

НАУКОВА ПУБЛІЦИСТИКА

Л.Н. СИДНЕВ

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ И ОСНОВАНИЯ ГЕНДЕРНОГО НАСИЛИЯ (ГЕНДЕРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ Н.В. ШЕЛГУНОВА)

До настоящего времени полностью не искоренено насилие в отношениях между полами, причем не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Это имеет многие причины: биологические, психологические и социальные. В ряду социальных причин следует выделить исторические, которые зародились в далеком прошлом и, хотя не характерны для современности, все же проявляют себя в ней в качестве социального наследования в виде пережитков прошлого, обычаев, традиций, ментальных особенностей того или иного народа.

Цель данной статьи – остановиться именно на исторических корнях гендерного насилия в Украине, но сделать это, опираясь на труды русского революционного демократа Н.В. Шелгунова.

Прежде всего подчеркнем, что нам представляется иллюзорным, не подтвержденным никакими достоверными фактами распространенное представление, будто бы в дохристианской Руси имело место большее равенство между мужчинами и женщинами, что женщины в ту эпоху были независимы от воли отцов и мужей и отношение к ним со стороны последних отличалось большей степенью терпимости и уважения. Тот факт, что среди женщин в те времена были ведуньи (те же волхвы), с которыми считались, а порой и побаивались, столь же мало говорит о равенстве полов, сколь мало говорит о нем наличие так называемых ведьм в средневековой Европе и массовое преследование этих самых “ведьм” папской инквизицией. Не служит в пользу данного представления и то, что история сохранила память о выдающихся женщинах той поры, например о княгине Ольге. Много позднее, когда процветало патриархальное порабощение женщин, некоторые из них могли обладать царской властью и связанными с нею почти неограниченными возможностями распоряжаться судьбами своих поданных.

Трудно представить деликатное отношение к слабому полу в дикие времена, когда сила определяла положение человека в обществе, когда племена вели ожесточенные войны между собой, ведущие к гибели многих мужчин, и женщины в этих войнах становились такой же добычей победителей, как золото, серебро, меха и другие материальные ценности. Напомним, что в дохристианской Руси имело место многоженство, распространенное, разумеется, в первую очередь среди людей знатных и богатых. Известно, например, что князь Владимир имел пять жен и восемьсот наложниц и в этом отношении мало чем уступал библейскому

царю Соломону. Красноречива в этом отношении история одной из жен Владимира – Рогнеды, дочери полоцкого князя. После захвата Полоцка Владимир на глазах у родителей надругался над Рогнедой, а потом убил ее отца. Следовательно, ни о какой добровольности замужества Рогнеды не может быть и речи, по отношению к ней было совершено самое грубое и неприкрытое насилие.

Вместе с тем ничуть не менее далеки от действительности попытки идеализировать влияние христианства в Киевской Руси на отношения полов. Поэтому не можем согласиться с мнением Н.В. Шелгунова, будто бы в дохристианской Руси царила “семейная равноправность, которою отличались славяне”. Это, на наш взгляд, явная мифологема. Однако считаем справедливыми его слова об аскетическом взгляде христианства на женщину, который имел большое влияние на семейные нравы. Византийский аскетизм, вместе с восточною ревностью, утверждал Н.В. Шелгунов, привел к тому, что с женщиной считалось предосудительным даже вести разговор. Женщина, в немалой степени усилиями ревнителей христианства, объявлялась существом ниже мужчины и в некоторых случаях даже нечистым.

Понятно, что по отношению к такому ущербному и греховному существу, уместны и даже необходимы меры физического воздействия, единственно способные как-то исправить его и должным образом воспитать. Христианская религия обращалась к слабому полу с требованиями: “Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены”, “жена да убоится мужа своего”. Трудно представить себе, что жена способна *убояться* мужа, если он только будет гладить ее по головке. Следовательно, вывод напрашивается сам собой.

В своей статье “Новый ответ на старый вопрос” Н.В. Шелгунов так описывает положение женщины после принятия христианства на Руси: “Женщина утратила почти всякое значение в семье и женский пол у знатных и богатых держали взаперти, как в турецких гаремах. Девушек держали в полном уединении. До замужества они не могли видеть мужчин и вопрос о выборе мужа решался безапелляционно родителями. Сделавшись женой, девушка из одного рабства переходила в другое. Она должна была проситься у мужа, чтобы идти в церковь. Самые благочестивые люди были того мнения, что родительский страх должен быть постоянным над дочерьми и что их следует бить почаще, чтобы они не утратили девства. В основе обращения мужа с женою лежало то же начало. У мужа висела плеть, назначенная исключительно для жены. Иные, впрочем, употребляли розги, а другие палку, и колотить или бить жену называлось учить ее. Кто не бил своей жены, о том благочестивые люди говорили, что он дом свой не строит и о своей душе не радит, и сам погублен будет и в сем веке и в будущем, и дом свой погубит. Домострой, желавший привести в систему порядок семейных отношений и сообщить им утонченную, по его мнению, гуманность, советует не бить жену кулаком по лицу, по глазам, не бить ее, вообще, железным или деревянным

орудием, чтобы не изувечить или не допустить до выкидыша ребенка. Он находит, что бить жену плетью и разумно и страшно, и больно и здорово”.

Далее Н.В. Шелгунов рассказывает, что до сих пор в народе (то есть до конца XIX в.) сохраняется хороводная игра под названием “Женина любовь”. В середину круга из мужчин и женщин становятся двое, изображающие мужа и жену, хороводные ведут круг, а “жена” отворачивается и пренебрегает ласками “мужа”. Хор поет песню:

*Посмотрите, добры люди,
Как жена меня молодца не любит,
Душа, сердце мое – ненавидит!
Я пойду в Китай-город гуляти,
Молодой жене покупку покупать,
Саму, саму предиковинну юбку,
Саму, саму предиковинну кофту.
Жена моя, жenuшка,
Сердитое мое сердце;
Ты постой-ка, жена,
Я примерю на тебя,
Я примерю, приложу,
Я на жenuшку приложу.
Посмотрите, добры люди,
Как жена меня молодца не любит,
Душа, сердце мое – ненавидит!
Я поеду в Китай-город гуляти,
Молодой жене покупку покупать,
Саму, саму предиковинну плетку.
Жена моя, жenuшка,
Сердитое мое сердце;
Ты постой-ка, жена,
Я примерю на тебя,
Я примерю, приложу,
Я на жenuшку погляжу.
Посмотрите, добры люди,
Как жена меня молодца любит,
Душа, сердце мое – поцелует!*

Увидевши под конец этой песни в руках “мужа” кнут, “жена” начинает обращаться с ним ласковее, а при пении последнего стиха “муж” и “жена” целуются.

В другой хороводной песне о замужней жизни поется так:

*Я пойду, пойду в зеленый сад гулять,
Поищу я молодого соловья,
Ты скажи, скажи, мой млад соловей:
Кому воля, кому нет воли гулять?
Молодушкам нет волюшки,
Красным девушкам своя воля гулять.*

*У молодушки три кручинушки:
Да как первая кручинушка –
Слать пуховую перинушку;
А другая-то кручинушка –
Растворяй жена широки ворота;
А как третья-то кручинушка -
Едет, едет мой ревнивый муж домой;
Он везет, везет гостинец дорогой,
Шелкову плетку, гнуто кнутовье,
Да ударит меня меж белых плеч.*

Или в одной народной песне поется:

*Вот как муж жену любил,
Щепетненько водил
По морозу нагишом,
По крапиве босиком.*

К фольклорным изысканиям Н.В. Шелгунова добавим, что народным песням вторили пословицы и поговорки. Одни объявляли женщину существом неинтеллектуальным (волос долог, зато ум короток), потому слушать женщин следует только для того, чтобы поступить наоборот, другие – уничижительно отказывались признавать в ней человека (кура – не птица, баба – не человек), третьи – уличали ее в связи с дьяволом (куда черт не поспеет, туда бабу пошлет), четвертые – обличали в женщинах коварство, неблагодарность, болтливость и прочие малопривлекательные черты и, наконец, пятые – рекомендовали крутые воспитательные меры (бей бабу молотом – будет баба золотом).

К слову сказать, тема физического насилия мужчины по отношению к женщине присутствует не только в фольклоре, но и в классике русской поэзии. Показательно в том отношении стихотворение Анны Ахматовой, начинающееся строками:

*Муж хлестал меня узорчатым.
Вдвое сложенным ремнем.*

Примечательно, что лирическая героиня Анны Ахматовой вовсе не возмущается, не протестует против описанной процедуры и даже не задается вопросом законности воспитания посредством приложения ремня к филейным частям женского естества. А как же иначе, если народная мудрость гласит: бьет – значит любит.

Возвращаясь к Н.В. Шелгунову отметим, что в его работах можно обнаружить немало интересных, но далеко не бесспорных мыслей, касающихся гендерной проблематики.

Прокомментируем некоторые из этих мыслей одного из представителей русской революционной демократии.

“Почему женщины не любят, когда им говорят о женском материализме и подчиненности их мужчине? Потому, что самолюбие их не хочет этого. Эта же самая причина, при некоторой слабости

головного мозга женщин, не позволяет им видеть, что женщина значит гораздо больше мужчины, что в видимой слабости женщин и заключается их сила, да, наконец, в сердце женщин столько высоких достоинств, которые никогда не были, да и не будут, в сердце мужчины. Только женщина может любить с самоотвержением и без эгоизма и расчетов ума, и только женщина может быть матерью. Мужчины не умеют любить всем существом своим, потому что сердце мужчины никогда не заглушит его ума и рассудка” (Шелгунов Н.В. Воспоминания : в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. – М., 1967. – Т. 2. – С. 44–45).

Здесь Н.В. Шелгунов приписывает мужчине силу разума, а женщине – силу сердца. Основанием для наделения женщин высокими достоинствами, которых якобы никогда не было и не будет в сердце мужчины, он усматривает в любви без расчетов ума, то есть в слепой любви. Но может ли слепая, безрассудная любовь превозноситься как достоинство?! Кстати, мужчины тоже способны на такую любовь, которая умного человека превращает в дурака, но для мужчины это противоестественно и унизительно, а для женщины – естественно и возвышенно. Что же касается пассажа относительно слабости головного мозга женщин и утверждения, что в этой слабости как раз и заключается их сила, то это, на наш взгляд, не более чем попытка подсластить горькую пилюлю.

К тому же все рассуждения о том, что женщины интеллектуально уступают мужчинам, бездоказательны. Более того, среднестатистическая женщина, пожалуй, даже умнее среднестатистического мужчины. Это утверждал в свое время немецкий философ О. Вейнингер. Мужчины, правда, могут успокаивать себя тем, что среди женщин нет признанных гениев ни в одной сфере деятельности. Разве что в политике, что возможно свидетельствует о том, что политика не есть самое интеллектуальное занятие, в ней порой оставляют заметный след люди не самого высокого ума.

“Мое понятие о равенстве держится вот на каком убеждении: мужчина умнее женщины и выше ее характером, следовательно, эта часть должна быть в управлении мужа; женщина выше мужчины своим сердцем, и потому женщина должна быть главою дел сердца. В супружеской жизни великодушие и любовь мужа к жене – самые важные обстоятельства, и они возможны только тогда, когда муж чувствует свое превосходство над женою; передайте эту власть женщине – и мужчина, сознающий себя, будет стыдиться за свое ничтожество и не станет никогда любить жену” (Шелгунов Н.В. Воспоминания : в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. – М., 1967. – Т. 2. – С. 42).

К этому можно добавить, что и женщина никогда не будет любить, ценить и уважать такого мужчину, в котором она видит только ровню себе и тем более уступающего ей. Но о каком таком равенстве говорит Н.В. Шелгунов, если естественно только превосходство, умственное и физическое,

мужа над женой, а не наоборот. О каком равенстве он говорит, если уже в следующем абзаце своих рассуждений пишет: *“Возьмите двух людей, которые не знали никогда друг друга, поставьте их рядом после двух слов, сказанных одним и другим, один непременно подчинится другому”?*

И еще. Интересно было бы послушать Н.В. Шелгунова, что он понимает под делами сердца. Вероятно, эмоциональную сферу. Женщина должна нести мир и согласие, любовь, нежность и сочувствие, но здесь женщина в силу чрезмерной эмоциональности и даже истеричности также частенько оказывается не на высоте и, следовательно, уступает мужчине.

Умная жена – как раз та, которая сознает свою слабость и зависимость и добровольно подчиняется мужу. При том, разумеется, условия, что муж ее не дурак, не хам и не изувер.

“Коммунисты хотят равенства между мужчиною и женщиной, они, верно, никогда не любили, они вполнину мужчины, потому что не понимают наслаждения власти. Идея равенства была чужда творцу мира. Из двух людей, любящих друг друга, один всегда сильнее другого, и в таком случае сильнейшим лучше всегда быть мужчине, чем женщине. Да, я думаю, что и сами женщины отказались бы от права власти, потому что они потеряли бы право пленять и заставлять себя любить любовью страсти, выиграв взамен ее какое-то почтение и покорность. Что может быть смешнее покорности и смирения перед властью, когда покорность – мужчина, а власть – женщина?”

...как часто власть смиряется перед покорностью, как часто мужчина отдается вполне женщине и сам не замечая того... Как сильна женщина в самой своей слабости, и чего желать ей более, какой нужно еще власти? Глупцы мужчины, проповедующие равенство, дуры женщины, слушающие их, – в власти равенства, которого они добиваются, они найдут свое бессилие и потеряют силу, которою владеют теперь, приняв малиновую фольгу за огонь” (Шелгунов Н.В. Воспоминания : в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. – М., 1967. – Т. 2. – С. 35–36).

С этими мыслями Н.В. Шелгунова мы могли бы согласиться. Пожалуй, даже добавить нечего. Разве что касательно наслаждения властью. Власть может быть естественной и противоестественной. Противоестественна государственная власть, когда ее осуществляют люди, интеллектуальные и моральные качества которых уступают большинству граждан. Когда убогие правители упиваются своей властью – это или смешно, или страшно. Но власть мужа над женой естественна, и обоим может приносить удовлетворение и даже наслаждение.

“Ни одна женщина в мире не умела еще владеть, господствовать над своими желаниями и страстями, и для них незнакомо торжество победы над собою” (Шелгунов Н.В. Воспоминания : в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. – М., 1967. – Т. 2. – С. 36).

На мой взгляд, справедливость требует отбросить безоговорочность и категоричность: *“ни одна в мире”*. Я высказался бы несколько иначе: если и существуют женщины, способные сдерживать свои эмоции и

желания, то таких единицы. К тому же и желания женщины, ее прихоти удовлетворить много сложнее, чем желания мужчины. Оставшаяся у разбитого корыта старуха из пушкинской сказки о рыбаке и рыбке выражает типичные для женщин безудержность, ненасытность и неразумность желаний.

“В ряду разумных созданий женщина менее всего понимает, что она может быть разумна, что она может быть человеком; она полагает, что создана только для того, чтобы пленять своими наружными достоинствами, и не любит, когда восхищаются ее душевными богатствами, полагая, что эти восторги отнимают много от ее наружности” (Шелгунов Н.В. Воспоминания : в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. – М., 1967. – Т. 2. – С. 36).

Это справедливо. Если не верите, попробуйте некрасивой женщине сделать следующий “комплимент”: “Вы, конечно, не красавица, но зато очень умны”. Если не верите, попробуйте найти женщину, которая завидует не красоте, не нарядам другой женщины, а ее уму.

“По большинству женщин, которое я видел, я увидел, что женщина, хотя и может чувствовать, однако этот жар похож на жар железной печки, которая скоро накалится и скоро остынет... Я увидел, что средняя цифра женщин не умеют отличить добра от зла, все происходит в них бессознательно, рядом с светлой мыслью стоит глупость, с благородным чувством – подлость, с любовью – мстительность, злость и коварство, с постоянством – ветреность и тщеславие. Как ни роитесь в этом хаосе, вы редко вытаскиваете что-нибудь хорошее, если же и вытаскиваете, то впечатление добра изгладится тотчас же десятью грязными сторонами подобного сердца” (Шелгунов Н.В. Воспоминания : в 2 т. / Н.В. Шелгунов, Л.П. Шелгунова, М.Л. Михайлов. – М., 1967. – Т. 2. – С. 46).

С первой частью этих заметок можно согласиться, женщинам действительно не присуща глубина чувств и переживаний, быстро воспламеняясь, они так же быстро остывают. Впрочем, эта особенность характерна и для многих мужчин.

Что же касается того, что женщина не умеет отличить добра от зла, то есть не имеет нравственного стержня, то я здесь не вижу почти никакого отличия от мужчин. Современному человеку, не только женщине, но и мужчине, свойственна растерянность перед нравственным выбором, потеря нравственных ориентиров. И здесь мужчине, если он даже умнее женщины, не может помочь его интеллектуализм: нравственный выбор трудно основать на правилах логики и здравом смысле.

На наш взгляд, главное противоречие той позиции, которую отстаивает русский мыслитель в так называемом “женском вопросе”, состоит в том, что, с одной стороны, он безосновательно идеализирует женщин, приписывая им те достоинства, которые характерны далеко не каждой из них, и столь же безосновательно отказывается видеть эти достоинства в мужчинах. С другой стороны, он сам во многом является носителем тех самых исторических корней, которые породили гендерное

неравенство. Мы могли бы даже употребить по отношению к этой стороне творчества Н.В. Шелгунова понятие “патриархальный пережиток”, если бы были апологетами идей женской эмансипации и гендерного равенства и не замечали того, что сами эти, казалось бы, прогрессивные идеи на деле нивелируют реальные особенности двух полов, часто бывают доведены до крайности и превращены в абсурд.